

Содержание

Вместо вступления: и зайцы пишут	7	Историко-литературные эпизоды по д. микроскопом.	41
О себе и о книгах прочитанных и переведенных		Переводы исторических книг: «Короли-чудотворцы», «Время банкетов», «Оскорбленный взор» . . .	43
Об отце и о том, как он начал собирать библиотеку . . .	10	Как кошка смотрела на королей	
Откуда брались книги: Книжная экспедиция и книжный обмен	12	Кошка и шапка	48
О словаре Ларусса	14	Здороваться надо!	50
Терапевтическое воздействие романа «Москва — Петушки»	17	Как она руками-то махала!	51
Мани и Бахтин: два первых сильных впечатления от литературоведческих книг	19	Са ша, не увлекайся!	53
Семинар Турбина и знакомство с Бахтиным	20	То поров читает Балланша	54
Школа, аспирантура, Шатобриан, Профком литераторов	22	Галантный Бонди	55
Первый перевод: «Пена дней» Бориса Виана.	25	Знаете, зачем вам эта медаль?	55
«Эстетика раннего французского романтизма» и труд марксистско-ленинского эстетика	26	Угадайте, сколько мне лет?	57
«Роман» с Бальзаком	29	Какие у вас духи?	57
«Эпопея» с Кюстином: павловская денежная реформа, четыре русских издания и одно французское	30	Вадим Ермакович и Максим Бальзакович	58
Визит к фабриканту шампанского . . .	33	О словах и словечках	
Идите обязательно!	34	«Из бабушки»	60
Книги о парижской повседневности: Мартен-Фюжье, Дельфина де Жирарден, Гримо де Ла Реньер, «Сцены частной и общественной жизни животных» . . .	35	Лохаведем	62
Книги о Париже	37	Запорожье и запорожский язык	64
Переводческий семинар и «Парижацки»	39	На пляже в Запорожской Сечи	65
		Запорожский нейминг	67
		Мазурка по Кьеркегору	67
		Это платье просвещает?	69
		Пресловутые краны!	70
		Пол-литона,	71
		Вареная вода	71
		Мурхины котят и денинские соратники	71
		Национальный вопрос	72
		Стою со значением	72

...на журнале «Советский воин»	72	Увидеть зайца	101
Военное дело	73	Покройте голову	102
Передарить или недокупить?	73	Два рукава пара	103
Переводческий оптимизм	74	Легкое поведение в метро	104
Цели и задачи	75	Крестик в трусах	104
Крупный советский критик	75	Французская фигура	105
Идентичность в каждый дом	76	Вы ничего не заметили?	105
Тац проходит мирская слава	77	Таланты и поклонники	106
Два сурка	77	О пользе покупки книг	107
Подарваться на салате	78		
Большевики вас обманывали	78		
		Французы в России	
Люди и книги		От Молассана до «Лысой певички»	108
Еще о защите моей диссертации	79	Madame Tatichchev	110
Англичанин Билл	81	Владения в Африке	111
Вослед Ретифу де Ла Бретану	82	Il est stalinien?	111
Подбавить русофобии	84	Интервью с Байкалом	112
Очень прочесть хочется	85	Чай с васильками	113
По разные стороны баррикады	85	«...как она упала»	114
Еще о разных сторонах баррикады	86	Monsieur Milchina	116
И еще о редакторах	87	Маленькая фиолетовая ленточка	116
Юрий Оттович		Француженка из Малаховки	118
и Альфред Людвигович	87		
Шефтсбери на пляже	88	В Медоне у иезуитов	
А она когда умерла?	89	Город дофина	120
Подкидной дурак над Сеной и Уазой	90	...садился и работал	123
Грибоедов без китайцев		Ни в коем случае не смешивать!	124
и Пушкин с Аракчеевым	91	Цветы на шляпе	125
Если бы ты не спросил	94	У вас модные туфли	127
Историческая халюва	94		
Благородная халюва	96	За границей	
Немного мистики	98	Архивное	130
		Champignonpiège	131
		Лаковый крезтив	131
		Вот с таким носом!	133
		В Италию с краснухой	135
Уликовая парадигма			
Семечки	101	Вместо заключения!	
Разумный оптимизм	101	и сама себя почти убедила	140
Уши заросли	101		

Вместо вступления: и зайцы пишут

Я не собиралась писать мемуары, хотя, как у каждого человека, у меня накопилось энное количество тех сюжетов, которые Ахматова называла пластинками. Вдобавок некоторый «оперативный» мемуаризм, видимо, заложен в моей природе. Покойный Евгений Владимирович Пермяков, историк литературы, издатель и человек тонкого остроумия, однажды очень справедливо заметил: «Вера всегда должна в рассказе отступить назад». В самом деле, я никогда не могу коротко ответить на вопрос: что вы сейчас переводите/пишете? Всегда выходит так, что я отступаю назад и рассказываю предысторию.

До сих пор мне всегда казалось, что возраст для воспоминаний еще не наступил; но он ведь может и вовсе не наступить. А граница сейчас очень понизилась: люди пишут воспоминания и в 50 лет, и даже в 25. Тут мне сразу приходит на ум писатель Евгений Гребёнка, которого я процитировала во вступительной статье к переводу книги «Сцены частной и общественной жизни животных». Многие помнят, что он автор слов знаменитого романа «Очи черные», но мало кто, должно быть, знает, что он напечатал в 1840 году повесть «Путевые записки зайца», в начале которой дедушка повествователя, знающий все языки, включая звериные, говорит, что знаком с историей зайца, потому что читал его записки. Внук удивляется: «Где же вы читали? разве зайцы пишут?» А дедушка отвечает: «Пишут; теперь все животные грамотны, и лесные, и полевые, и водяные: все пишут; даже насекомые имеют свою грамоту и своих писателей». И я, стало быть, тоже подалась в ряды этих зайцев, которые пишут.

Но этого, скорее всего, не произошло бы, если бы портал [Botku.media](http://botku.media) не попросил меня рассказать о моей «читательской и научной биографии» (спасибо главному редактору

Дмитрию Иванову и приславшему мне вопросы Юрию Куликову). Рассказ опубликовали, и после этого разные добрые люди, не сговариваясь, принялись утверждать, что мне надо писать воспоминания. И в результате я им поверила.

Разумеется, я не буду писать «классические» мемуары, которые начнутся с чего-то вроде: «Я родилась 7 сентября 1953 года в роддоме на Маломосковской улице». Во-первых, сам этот факт мало кому интересен (кроме разве что «земляков», которые, например, родились в том же роддоме). А во-вторых, память моя устроена так, что воспоминания состоят из отдельных картинок, а выстроить их в сюжетную последовательность удается далеко не всегда. Подозреваю, впрочем, что я не одна такая, просто люди, которые пишут «настоящие» мемуары, прославляют свои картинки отчасти придуманными сюжетными связками, а потом сами начинают верить, что все так и было.

Ну вот, а я ограничусь картинками. Картинки, конечно, все из моей жизни, но настоящий их герой все-таки не я, а язык и языковая игра. Большая и лучшая часть рассказанных здесь историй посвящена словам — произнесенным, услышанным, напечатанным и по преимуществу не совсем серьезным. Поэтому я даже придумала для этих историй специальное название — «мемуаразмы» (альтернативный вариант был — «марзамуары», но я решила, что не нужно так явно подсказывать оценку потенциальным критикам).

А чтобы все-таки начать с рождения и даже чуть раньше, вот две картинки, которые, впрочем, не мои воспоминания, а рассказы моей мамы. Она работала корректором в издательстве «Иностранная литература» (которое тогда еще не разделилось на «Мир» и «Прогресс»); корректором — потому что несмотря на красный диплом редактора, с которым она окончила Полиграфический институт, на редакторскую работу ни ее, ни моего папу никуда не брали из-за пресловутого «пятого пункта» — еврейской национальности. И вот в марте 1953 года, уже беременная, мама — «как все» — собралась

сходить посмотреть, как хоронят Сталина; но сослуживицы не пустили, за что им большое спасибо, потому что в противном случае, боюсь, писать эти мемуаразмы было бы некому. Не меньшее спасибо этим сослуживицам за то, что на более поздних стадиях беременности они повесили напротив маминого рабочего стола большой плакат, на котором было, по рассказам мамы, изображено круглощекое румяное дитя, а под ним надпись «Расти, богатырь!». Когда я в студенческие годы пыталась сбросить лишний богатырский вес, я этих сослуживиц поминала не очень добрым словом, а теперь глубоко раскаиваюсь: подозреваю, что мое в общем неплохое здоровье — это как раз плод разглядывания мамой того румяного богатыря.

Я анонсировала бессюжетные картинки, но чтобы кое-какой сюжет обозначить, повторю с дополнениями тот рассказ о своей читательской, переводческой и авторской биографии, с которого все началось, а потом продолжу его другими мемуарными зарисовками.